

ОТЗЫВ

Официального оппонента Ерусалимского Константина Юрьевича
на диссертацию Орленко Сергея Павловича
«Оружейная палата в XVII веке (ресурсы, организация,
основные направления деятельности)», представленную на соискание
ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 –
Отечественная история

Не вызывают сомнений ни актуальность, ни научная новизна диссертации С.П. Орленко. Впервые в историографии автором изучены устройство, штаты и сферы деятельности такого значимого ведомства России XVII в., как Оружейная палата. Основой для диссертанта послужили источники из 19 фондов пяти научных институций Москвы и Санкт-Петербурга (прежде всего, профильного для темы диссертации фонда ф. 396 из РГАДА). Основное внимание уделено приехо-расходным «книгам деньгам» Оружейной палаты (начиная с книги 1656 г., также – Переписная книга 1687 г. и описания А.Ф. Малиновского начала XIX в.), а также документации смежных приказов, и прежде всего, Посольского, Разрядного, Пушкарского, Тайных дел, Ствольного на Бархатном дворе, Золотой и Серебряной палат и немногочисленным сведениям об Оружейной палате, полученным из первых рук (например, запискам Г.К. Котошихина, картам и планам XVII-XVIII вв.). Развивая, а где-то критикуя и уточняя наблюдения А.Ф. Малиновского, Л.П. Яковлева, Ю.В. Арсеньева, В.К. Трутовского, П.Н. Милюкова, А.И. Успенского, И.Е. Забелина, Г.Л. Малицкого, М.Н. Ларченко, О.Г. Ульянова, С.П. Орленко детально рассматривает персональный состав, структуру и заказы оружейной мастерской, а также особенности использования ее продукции в повседневной придворной жизни России XVII в. Особенно ценны установленные диссертантом датировки и атрибуции дошедших до нас артефактов к заказам и работам кремлевских мастеров.

Формальные разделы Введения диссертации, в целом, прописаны корректно и соответствуют основным цели и задачам, предмету и выносимым

на защиту положениям диссертации. Полноту обзоров и экскурсов основной части диссертационного исследования гарантируют, прежде всего, обширные выписки из первоисточников и их детальный научный анализ, позволяющий как отстоять ключевые положения, выносимые на защиту, так и обеспечить наглядность и практическую значимость выводов. Не вызывает сомнений, что на защиту С.П. Орленко выносит результаты многолетних разысканий, исчерпывающие состояние проблемы диссертации на момент ее защиты.

В первой главе изучены перемены в площади и формах строений Оружейной палаты в XVII-XVIII вв. Не все вопросы поддаются решению на основе дошедших источников, и автору приходится обращаться к различным сравнительным методикам для установления местонахождения помещений, расположения стен и украшений на них, местоположения палат и «казенок», окон, полов, печей, предметов мебели и различных бытовых предметов и приспособлений, а также переходов, дворов и зданий между сооружениями Оружейной палаты (п. 1.1) и целого ряда ее малоизвестных помещений (п. 1.3). Обнаружены и введены в научный оборот даже весьма интересные с разных точек зрения сведения о чистке туалетов на дворах Палаты. С.П. Орленко убедительно опровергает мнение А.Н. Чубинского о том, что в Оружейной палате (Верхних палатах) сложилось свое оружейное производство (с. 78). В отношении Мироновских палат (возможно, они же до 1656 г. – Поварская палата, а с 1680 г. – Нижняя палата) с 1680 г. оказывается верным обратное: их начинают использовать не только как место хранения, но и как ремесленный центр (с. 101-102). Отдельные, и весьма добротные, исследования посвящены в диссертации дворам Н.И. Романова и И.Д. Милославского и их эволюции в XVII в., в различные годы входившим в круг ведомств Оружейной палаты и других приказов Московского государства (п. 1.4 – 1.5).

Изучая упоминания Набережных палат и Иконного терема, диссертант уточняет выводы И.Е. Забелина и составленного на основе его предположений плана-реконструкции Московского Кремля С.П. Бартенева 1910 г. Об этих

сооружениях сохранилось сравнительно немного сведений, и все они детально проанализированы диссертантом в хронологической последовательности. Один из важных результатов обсуждаемого диссертационного исследования – подвергнуто сомнению предположение И.Е. Забелина о том, что в Иконном тереме иконописные и живописные работы велись до 1676 г. (с. 92-93).

Вторая глава диссертации посвящена персональному составу мастеров Оружейной палаты. Здесь С.П. Орленко, оспаривая концепцию И.Е. Забелина, приходит к выводу о том, что число мастеров было значительно меньше, чем полагал историк-классик (не 113, а около 1645 г. – 69 человек). Тяжелым потрясением для приказного персонала стала чума 1656 г., но уже тогда и позднее численность мастеров из России и других стран измерялась на десятки и к 1663 г. (а не к 1671 г.) примерно достигла цифры, которую называл Забелин (112 чел.), и точно совпала с ней лишь в 1680 г. (с. 164-165). Существенным подспорьем для исследования послужил Алфавит мастеров 1645 г., в котором, впрочем, не все названные там мастера определены по роду их занятий (с. 172-175). Среди «первых мастеров» Оружейной палаты были такие выдающиеся деятели, как Никита Давыдов, Григорий и Афанасий Вяткины, чьи имена С.П. Орленко возвращает в историю и детально поясняет круг задач и объем выполненных мастерами работ по заказам церковных и светских властей (п. 2.2). К концу XVII в. в составе иностранных выходцев на царской службе были представители ряда государств – среди них доминировали «немчины» (в том числе «немчины Фрянцужские земли» и «Свитские земли»), «францужене», а также выходцы из Речи Посполитой – «иноземцы польской породы» (поляки) и «белорусцы» (литвины), восточные ремесленники – прежде всего из Персии (п. 2.3 – 2.5). Отдельный и также весьма насыщенный новыми данными раздел посвящен ученичеству в Оружейной палате (п. 2.6).

Среди иноземцев в 1640-е годы был мастер с необычным «говорящим» именем Михаил Романов, чье иноземное происхождение С.П. Орленко убедительно обосновывает (с. 221). Ценное само по себе самостоятельное

исследование диссертант посвящает артели Никиты Давыдова и его подмастерья Бориса Крыгора, а также оружейному творчеству Баратара Кинемана, очень влиятельных и успешных мастеров середины – второй половины XVII в. В результате многогранной просопографической работы С.П. Орленко пришел к перспективному выводу о том, что среди выходцев «из городов ВКЛ значительное число составляли мастера ствольного, замочного и станочного дела», хотя среди них было «и несколько оружейников – универсалов, способных изготавливать все части огнестрельного оружия» (с. 290). Однако «в штате» Оружейной палаты выходцы из Речи Посполитой занимались и другими делами – например, работами по металлу, токарным искусством и резьбой по кости (с. 292-293, 297-298, 304). Персидские мастера в большей мере набирались для «гзового и тесмяного и шелкового дела» (с. 313). Весьма необычные сведения благодаря работе диссертанта выявлены о шелкового дела мастере и, возможно, лекаре Мамаделее Анатове – ему выдавалось из казны не только жалованье, но и табак, декларативно запрещенный в те годы в России (с. 318-319).

В третьей главе восстановлен круг чиновников и вспомогательного персонала изучаемого приказа. После работ Ю.В. Арсеньева, С.Б. Веселовского, Л.М. Сухотина, О.Г. Ульянова и А.В. Малова эта глава полномасштабно и самостоятельно от предшественников решает задачу, выводя ее впервые на доказательный уровень обобщений. В этой главе представлены смены персонального состава высшего чиновничества в составе приказа, их круг обязанностей и сферы ответственности, финансирование и рутинные трудности, которые преодолевали дьяки и подьячие наряду с другими служащими и в связке со всей приказной системой Российского государства (п. 3.1). Отдельные параграфы посвящены самопальным стрелкам (п. 3.2), дозорщикам (п. 3.3), сторожам и истопникам (3.4), приставам и целовальникам (3.5) и шляхте на приказной службе (3.6). В отдельный

параграф не выделены кошки, но из диссертации ясно, что на их содержании у государства XVII в. был отдельный бюджет (с. 593).

В третьей главе так много наблюдений, что требуется специальный разбор частных сюжетов и ряда историографических дискуссий, который, конечно, не сможет повлиять на общее заключение в диспуте по данной диссертации. Отметим лишь вслед за диссертантом, что на организацию и деятельность приказа, как и в целом на весь государственный аппарат оказывали влияние самые разные события внутренней и внешней политики – Смута, смена правителей и высшего руководства приказа, посольские приемы, браки царей, чума, войны, стрелецкие восстания. Восстанавливать ход событий в приказе С.П. Орленко приходится с учетом всех этих разнообразных факторов.

О слаженной и самоотверженной работе в Оружейной палате замечательно свидетельствует приведенное в диссертации С.П. Орленко челобитье 1673 г. сторожа Оружейной палаты Семена Семенова сына Золотого: «моя, государь, братья стоят через неделю, а я, холоп твой, по вся дни» (с. 550).

Финансовые и социальные аспекты службы в Оружейной палате, многократно затронутые и в других частях диссертации, выделены в специальный раздел – главу четвертую работы. Здесь автору удалось собрать все доступные в источниках сведения о поступлении финансовых средств из казенных приказов и очертить круг расходов Оружейной палаты вплоть до 1699 г., когда Оружейной палате было поручено изготовление гербовой бумаги. Исследование С.П. Орленко позволило существенно уточнить слова Г.К. Котошихина о связи между Палатой и приказом Новой чети, ограничив их 1630-ми – началом 1640-х гг. и 1656-1664 гг. (с. 617-619). В этой главе умело сочетается анализ прямых свидетельств о расходах Палаты с выводами, полученными из косвенных источников, особенно за те периоды, которые не обеспечены расходной документацией приказа. Удалось также благодаря

сопоставлению выплат деньгами и хлебом различным служащим установить динамику выплат в «сытые» и кризисные годы, выявить социальное расслоение среди служащих и даже понять, кто из них был уволен и по этой причине не получал жалованье. Отдельно изучены внеслужебная деятельность придворных оружейников (п. 4.4), материальные поощрения служащих (п. 4.5), меры социальной поддержки мастеров (п. 4.6), и наказания, т.е. меры дисциплинарного воздействия (п. 4.7).

Как и в каждой другой главе, в четвертой есть свои броские открытия. Отметим здесь в качестве ценного и неожиданного вывода о системе наказания в Оружейной палате: «Ни одного документа, подтверждающего применение к мастерам Оружейной палаты телесных наказаний за невыполнение плановых работ, не выявлено» (с. 804). Впрочем, в самом крайнем случае проштрафившихся мастеров заставляли работать «сковану» (т.е. в оковах) (с. 815).

Последняя, пятая глава посвящена роли Оружейной палаты в развитии российских вооруженных сил и в придворном церемониале. Палата была в XVII в. не только мастерской, но и арсеналом современного оружия, хотя ее основная задача заключалась все же в изготовлении, хранении и выдаче для церемониальных мероприятий двора «экссклюзивного, парадного оружия, доспеха, а также предметов снаряжения» (с. 827). Определению этой и других задач посвящен первый параграф пятой главы (п. 5.1). С.П. Орленко подразделил основной объем главы по предметам вооружения, на изготовлении которых была сосредоточена Оружейная палата: зеркала полные (п. 5.2), доспех из дамасской стали (п. 5.3), кюяки (п. 5.4), мечи (п. 5.5), щиты (5.6), крылья и змеи (п. 5.7), железные пушки (п. 5.8). Ряд из упомянутых в письменных источниках предметов удастся обнаружить в различных древлехранилищах мира, описать и связать с мастерами Оружейной палаты.

В этой главе особенно интересными мне представляются судьбы мастеров в связи с их произведениями искусства. О Григории Никитиче

Вяткине мы узнаем подробности, которые безусловно доказывают его выдающееся значение в истории российского искусства (его творчеству диссертант посвятил отдельную научную статью и монографию: *Орленко С.П. Оружейной палаты «первый мастер» Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615 – 1688)*. СПб.: Нестор-История, 2022). Например – изготовление под его руководством Больших государевых зеркал 1670 г. (с. 844-849). Казус выдающейся ведомственной неблагодарности представляют упоминания служебных невзгод Кузьмы Плотникова, который своими талантами и успехами ничем не уступал Вяткину и Никите Давыдову, но, по убедительному предположению С.П. Павлову, из-за регулярных недоплат и непроходимой бедности просто сбежал (с. 861-867). Из информации о К. Плотникове из других мест работы складывается вопрос, не вернулся ли поступивший в 1657 г. на службу тульский мастер обратно в Тулу? (ср.: с. 177, 856-857).

И конечно, занимательны в пятой главе рассказы о применении изделий Оружейной палаты в церемониале. Среди них, например, такие яркие страницы церемониальной истории, как похвалы заграничных послов в адрес «крылатых людей» (царской сотни с крылатыми змееносцами на спинах), свидетельствующих о сближении моды «милитари» в России и Речи Посполитой XVII в. (п. 5.7).

Ряд вопросов так и остались открытыми, что неудивительно при таком объеме решаемых задач. Нет четких сведений о предыстории Оружейной палаты и Бронного приказа в XVI – первой половине XVII в. (см. п. 2.1). В другом месте со ссылкой на книгу М.Ю. Романова о Бронной слободе и архивное дело С.П. Орленко отмечает: «В середине XVII столетия по указу царя Алексея Михайловича Бронная слобода была изъята из ведения приказа Большого дворца и передана в Оружейный приказ» (с. 764). Тем не менее С.П. Орленко, наметив эту неразрешимую загадку, по ходу своей работы неоднократно отталкивается от данных о Бронном приказе при Иване Грозном, как если бы это и был предшественник Оружейной палаты XVII в. Такой ход

мысли кажется все же если и допустимым, то не в полной мере обоснованным (с. 146, 150-152, 166, 170-172, 175, 179-184, 454, 495-496, 556, 588-597, 634-635, 651, 659, 723-724, 763-765 и др.).

Неясно, что за Ходынский (на реке Ходынке) завод упоминается в источниках 1660-х гг. (с. 143, 1027).

Что касается приказных построек, выше мы уже вслед за диссертантом отметили дискуссионные названия Мироновских палат. Не удалось установить также, какого рода было напольное покрытие в ряде помещений Оружейной палаты (с. 59-60), как различались между собой ящики, сундуки и рундуки для хранения тех или иных предметов в Палате (с. 71).

Неясно значение ходового в России XVII в. понятия «наклепен[ь]», связанного с изготовлением мечей (с. 918).

Все названное выше отнюдь не недочеты обсуждаемой диссертации, а наоборот, это границы наших знаний, на которые вышла многолетняя работа опытного специалиста.

В заключение обратимся к слабым и недостаточно обоснованным, на наш взгляд, положениям и выводам диссертации С.П. Орленко.

1. Таковыми представляются, прежде всего, формальные, однако для историографии отнюдь не малозначимые постановочные элементы диссертации. Задач исследования настолько много (11), что связь и последовательность между ними теряется, а их перечисление превращается в обязательство просто изучить все доступные данные о различных аспектах деятельности Оружейной палаты (с. 30-31). При этом тезисов, выносимых на защиту, настолько много (16), что среди них некоторые неизбежно дублируются (например, 15 и 16), а некоторые (4) просто не выглядят завершенными формулировками (с. 35-38). Мне представляется, что задачи можно было сфокусировать и продумать предметно в соответствии с главами диссертации. Теоретический раздел также требует какого-то осмысления

помимо «глобальной темы изучения истории государственного управления России» (с. 32). Даже если чья-то еще теория не справляется с выбранной диссертантом проблематикой, в этом разделе недостаточно называть общий порядок вещей, а хорошо бы за неимением лучшего получить от диссертанта его собственную теорию, которая и была бы максимально общим взглядом на существо поднятых в диссертации проблем.

2. Из частных дискуссий следует отметить в качестве важного примера недостаточно аргументированное, на мой взгляд, С.П. Орленко опровержение концепции И.Е. Забелина о расположении Ольгиной палаты: «Не исключено, - пишет диссертант, - что “Ольгина палата”, о которой пишет И.Е. Забелин, находилась в том же здании, но ближе к Троицким воротам, где помещались Золотая и Серебряная палаты» (с. 64). На мой взгляд, речь идет о царицыных палатах, где такая роспись фиксируется и неоднократно изучалась в научной литературе. Впрочем, вопрос нуждается в дополнительно исследовании.

3. Нелогичным представляется, что во второй главе, посвященной, согласно ее заглавию, персональному составу мастеров Оружейной палаты, уделено так много внимания изделиям, атрибутировать которые диссертант далеко во всех случаях пытается (с. 144-151).

4. Только по касательной затронута в диссертации С.П. Орленко гендерная и социально-антропологическая проблематика, хотя она требует, конечно, более детального комментария: семьи мастеров и чиновников Оружейной палаты, жены и вдовы, семейная преемственность ремесла, семейный быт и даже «династические браки» между самопальных стрелков Оружейной палаты – все эти сюжеты не раз выступают в тексте, но никакого единого рассказа в рамках главы или параграфа не образуют (с. 339-341, 367-368, 386-387, 400-401, 443-444, 471-472, 494-495, 512, 520, 599-605, 782-800, 866-867, 982-984 и др.). В особом параграфе представлена только «социальная политика» Оружейной палаты, причем, без ясного определения, что

понимается под термином «социальная политика», и не учитывая собранный в других разделах диссертации разноликий материал (п. 4.3).

5. С сожалением можно отметить, что задача выявления следов иностранных оружейников на русской службе в странах их происхождения и работ, предшествующих приезду в Россию, даже не поставлена, хотя подобные исследования в научной литературе известны, чему яркими свидетельствами являются работы Т.А. Опариной, Д.Г. Федосова, О.Я. Ноздрина, Д.В. Лисейцева, О.В. Скобелкина и др. Усилия по поиску иноземцев по местам их первоначального проживания ограничиваются в диссертации С.П. Орленко почти только опубликованными справочными изданиями (например, «Новым Штокелем» - с. 988). В качестве примера, когда такое исследование напрашивается и выступает в качестве первоочередной задачи, можно привести наблюдения С.П. Орленко за возрождением угасшего в России рода князей Глинских (с. 599-605). Эта задача может быть решена в том же русле, которое хорошо известно специалистам по генеалогии князей Курбских Ярославских в России и Речи Посполитой. Князей Курбских действительно «возродили» в России, однако, по всей видимости, прибывшие на царскую службу в 1680-е годы «князья Курбские» были самозванцами или были «назначены» князьями не сами, а по чьему-то умыслу в России. Здесь я поддерживаю и развиваю наблюдения Ю. Вольфа и И. Грали и полемизирую с К.Ф. Калайдовичем, М.Е. Бычковой и с Ю.Д. Рыковым (*Ерусалимский К.Ю. Новое о выезде Курбских (Крупских) в Россию из Речи Посполитой // Проблемы источниковедения. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 362–379*). Применительно к князьям Глинским аналогичные вопросы были бы весьма уместны, однако решить их без обращения к источникам иностранного происхождения не представляется возможным.

Указанные выше замечания никак не умаляют значения диссертационного исследования С.П. Орленко. Автореферат диссертации в полной мере отражает содержание работы. Диссертационное исследование

С.П. Орленко «Оружейная палата в XVII веке (ресурсы, организация, основные направления деятельности)» соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, пунктам 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а его автор, Сергей Павлович Орленко, заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук
(специальность 24.00.01 – Теория и история культуры)
профессор исследовательского центра “Res Publica”
Европейского университета в Санкт-Петербурге

К.Ю. Ерусалимский

«12» мая 2026 г.

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук,
доцент, профессор исследовательского центра “Res Publica” Европейского
университета в Санкт-Петербурге

Контактные данные:

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего
образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 191187, Санкт-Петербург, Россия Гагариная ул., д. 16-37; факс: (812) 462-1111; e-mail: rect@eu.spb.ru; eu.spb.ru

Подпись К.Ю.Е.
Специально

